

Борис
ЕВСЕЕВ

Борис
ЕВСЕЕВ

Офирский
СКВОРЕЦ

Сборник

Москва
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е25

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Евсеев, Борис Тимофеевич.

Е25 Офирский скворец : сборник / Борис Евсеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Странствия души. Проза Бориса Евсеева).

ISBN 978-5-699-86593-2

Российский подданный, авантюрист и прожектор Иван Тревога, задумавший основать на острове Борнео Офирское царство, по приказу Екатерины II помещен в смиренный дом. Там он учит скворца человеческой речи. Вскоре Тревоге удается переправить птицу в Москву, к загадочной расселине времен, находящейся в знаменитом Голосовом овраге. В нем на долгие годы пропадали, а потом, через десятки и даже сотни лет, вновь появлялись как отдельные люди, так и целые воинские подразделения. Обер-секретарь Тайной экспедиции Степан Иванович Шешковский посылает поймать выкрикивающего дерзости скворца. Разыскники вступают в Голосов овраг и пропадают там на двести с лишним лет. Появляются они в Москве только весной 2014 года...

Книга Бориса Евсеева включает в себя десять новых рассказов и небольшой остросюжетный роман-притчу «Офирский скворец», который был опубликован в журнале «Юность» (2015, №№1–3), стал финалистом премии «Ясная Поляна» и лауреатом премии В. Катаева.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Евсеев Б., 2016**

© **Оформление.**

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86593-2

Роман-притча

Офирский скворец

Дело № 2630

—...а вчерашнего дня совершил тот Ванька прегрешение мерзопакостное!

— Убег, сквернавец?

— Из смирительного дома не убежишь. И решетки, и запоры — все чин по чину. Тут — иная печаль... Ученого скворца, что по добросердечию в смирительном доме содержать ему разрешили, на волю выпустил! Подговорил караульного: «Дескать, весна на дворе, птицу жаль. Для забавы, мол, держал ее. Так ты, сменившись, передай скворца — из полы в полу — верному человеку. Человек тот убогий: Левонтий-немтырь. Птица разговорами его и утешит...» Караульный, первогодок непоротый, Ваньке — возьми да и поверь! Но самое мучительное в другом: будучи после Петропавловки, по всемилостивейшему указу водворен в смирительный дом, Ванька Тревога послаблением этим дерзко воспользовался! Взял и подучил скворца нести околесицу про Тайную экспедицию, про Голкондское да про Офирское царство...

— Неужто царства такие существуют?

— Царства Голкондского точно нет. Ванька сам от него давно отказался. А насчет царства Офирского — еще разбираться надо...

Передразнивая Ваньку, Степан Иванович измучился, осерчал, досадливо смахнул слезу, на минуту смолк, откинулся в кресле. Стакан для перьев, нож для резки бумаги, пара подсвечников, чернильный прибор из лазурита — почтительно отделились. Чувства, однако, были приведены в порядок, и сразу же нос обер-секретаря с прямоугольным кончиком, словно вылепленный из твердой белой глины, дрогнул крылышками, издал сопение, задвигался резче, мощней, будто хотел соскочить с лица, кинуться, подобно борзой, за лисой или зайцем!

За учуянной дичью последовал также и взгляд. Но тут же розыск прекратил, зарылся в хамаданский верблюжий ковер. Взгляд Степана Ивановича был послушен внутреннему голосу, который отчетливо произнес: надо оставить в покое зверье крупное, зверье мелкое и следовать только за зверьем опасным!

Шешковский прикрыл глаза прозрачной детской ладошкой.

— А только Бог с ними, с царствами. Не в них главный соблазн.

— В чем же он, ваше превосходительство?

— А вот в чем. Кто мне теперь в точности скажет, чему еще Тревога обучил скворца?

— Так расспросить его с пристрастием! Как на духу все и выложит.

— Кто выложит? Скворец?

— Ванька...

— Да вот же, пока не выложил. А расспросить — расспросили. Я сам на Васильевский, в смирительный дом ездил. А перед тем — на Пряжку, где Ванька одно время в гошпитале содержался. Только хитер Тревога! Рассказал многое, но не все. Сказки и прожекты его, вкривь и вкось

накарябанные, сама государыня читать изволила. Про склонность его к обману и литью фальшивых монет ей тоже доложили. Равно как и про то, что призывал Тревога российских и иностранных подданных основать, как он сам написал, «с трудом и потом» — новое государство на острове Борнео. Выдумкам тревогинским матушка не поверила. Назвала их «сплетением вымышленных сказок». Но что-то в тех сказках государыню до слез тронуло. А посему вердикт ее был...

Шешковский откинул сукно, вынул плотный лист бумаги: «Онный Иван Тревогин все сии преступления совершил по молодости своей, от развращенной ветрености и гнусной привычки ко лжи... Других же злодеяний от него не произошло...»

— Не имел Тревогин жестоких умыслов, — изволила добавить матушка-государыня, — пожалеть его надобно и от тяжкого наказания избавить.

— Ну, ежели матушка-государыня так изволила говорить...

— Ты далее слушай. Тут дело ясное: брешет Тревога, как пес смердящий! Но брешет складно, иной раз высокоумно. А еще Ванька девичий характер имеет. Чувствительность его и пронзила государыню до слез!

— А я-то, ваше сиятельство, грешным делом, думал: к мужеским характерам матушка-государыня склонность питает.

— Цыц, пакостник! В мысли матушкины нюхальник не суй! Ишь, смелость взял узнавать тайное... И сиятельством меня не зови. Из мещан я, хоть по должности и выше многих князей буду. В московской конторе тайных разыскных дел подканцеляристом служил. Сам бит, сам порот бывал. А говорю это того ради, что двадцать лет мы с тобою, Игна-

тий, одну лямку тянем. Еще потому, что не всякий поротый злобу на порку держит. Таков и я... С Ванькой же Тревогой и его птицей деликатность требуется. Не каждому доверить могу. И матушка-государыня недовольна будет, коли что не так. Про Москву тоже вспомнил не зря: тайная часть нашей беседы Белокаменной коснется.

Шешковский встал, легонько охлопал себя по бедрам, щелкнул кистями рук.

Кабинет был затемнен. Узко сдавленное питерское утро в него почти не проникало. Рыжебровый Игнатий, в который раз уже, подивился мозгливости обер-секретаря Тайной экспедиции при Правительствующем Сенате. Посмеялся про себя и над мелким чмыханьем Степан Ивановича.

Чмыханье, однако, было делом привычным. А вот что оказалось новым, так это запах пачулей. Мшистый, женский, плывший из тайной комнаты, соединенной с домашним кабинетом Шешковского, запах встревожил Игнатия не на шутку!

— Слушай, что говорю, пакостник, — оторвал Игнатия от впечатлений обер-секретарь, — есть на Москве один овраг. Голосов овраг зовется... Слышал про него, когда еще в подканцеляристах обретался. Одиннадцать лет назад, в году 1774-м, когда по делу Емельки Пугача в Москву послан был, ездил я тот овраг осматривать... Место сырое, и место странное. И хотя вблизи сельцо Коломенское, где блаженный Алексей Михайлович скучать любил, — все одно место дикое! Говорили про тот овраг — всякое. А середьш дела вот в чем. Есть в овраге расселина! В каковую, по секретным записям, и татарские конники, и стрелы сотнями, и дворцовая стража десятками, и обычный люд не единожды и не дважды проваливались. А потом — когда через двадцать, а когда и через сто лет — провалившиеся живы-жи-

вехоньки в Голосовом овраге обнаруживались. Что с ними творилось далее — ни в сказке сказать, ни пером описать. И ведь не одни стрельцы или конники обратно из расщелины выныривали! Некие особи в железных колпаках, с ружьями, пуляющими по сто раз в минуту, — являлись. Ни стрельцы, ни железные головы долго не жили: так с выпученными глазами через месяц-другой в московских узилищах Богу душу и отдавали.

— Диво дивное, Степан Иваныч!

— Врал про ту расщелину один философ-головастик в застенке: будто век наш осьмнадцатый через нее с другими веками соединиться может — хоть с десятым, а хоть с двадцатым!

— Чудо, чудо!

— Не чудо. Обезьянчики немецкие безобразят. И наши академики им вослед. Недаром, ох недаром Михайлу Ломоносова сжечь хотели. И заметь: тогдашняя Тайная канцелярия к тому предполагаемому сожженью малейшего касательства не имела.

— Да я б тому Михайле!..

— Заглохни, тетерев... Далее. Делая вид, что изнемог под пыткой, Ванька все ж таки признал: дескать, скворца разным словам выучил и в Голосов овраг со своим подручным, Левонтием-немтырем, отправил. Чтоб там птицу для будущих времен сохранить. Дабы мог скворец в будущих временах против нынешнего правления свидетельствовать. Только брешет, авантюрист! Взяли мы вчера Левонтия. И впрямь: нем и скрытен оказался. И хоть письму обучен, ничего про скворца письменно не сообщил. Самого скворца тоже при нем не обнаружилось. Написал же Левонтий всего несколько слов: мол, передал птицу человеку по имени Фрол. С тем чтобы, как и велел Ванька, скворца в Голо-

сов овраг, к расселине доставить. Да боюсь, про Фрола тоже брешет. Может, скворец сам в Москву упорхнул, проверить надо.

— Нешто скворец голубь?

— Не голубь, а поумней голубя будет. Голубь что? Голубь птица скудоумная. Что к ноге прицепили, то и доставит. А скворцы связной людской речью владеют. Ум выказывают. Способны слова припоминать, мысли компоновать. Ежели скворец был некогда из Москвы сюда привезен — сам дорогу найдет. Только, нутром чую, не сам скворец в Москву упорхнул! Людишки низкие помогли!

За ресницу вновь зацепилась и в нерешительности — как намек на сложность обстоятельств, — повисла прозрачная, едва заметная слеза. Эту слезу Шешковский смахивать не стал.

— Ты вот что, Игнатий: надобно скворца того изловить. Надобно сюда его представить! Бери Савву да Акимку, бери из наших возков какой победнее: безоконный, крытый рогожей. И бурей — в Москву! Авось, у расселины скворца перехватите. Даже и в мыслях нельзя допустить, чтобы он в других временах очутился.

— А ежели мы сами в ту расселину ахнем?

— Значит, туда вам, тепленьям, и дорога! Только не чую я в той расселине достоверности... Да гляди, Игнатий. Помнишь, каким из Литвы прибыл?

Сухой перхающий голос Шешковского был неприятен. Великан Игнатий поморщился, однако послушливо, как дитя, склонил голову.

— А «рогатку» на шею у Арсения Мацевича помнишь?

— У попа, што ль? Коего государыня повелела во всех бумагах сперва «Андрей Бродягин», а после — «некий мужик Андрей Враль» именовать?

— Цыц! Ты мне, Игнатий, подследственных бесчестить не смей. Всех их люблю, до шпыня последнего! В их же мучениях их и люблю. Уразумел?

— Как не уразуметь...

— А уразумел, так излагай по форме: мол, рогатку у епископа Мацеевича на шее помню. И знай: злоумышляющих на царство, будь то поп и весь его приход, будь то помещик и все его дворовые, Шешковский из-под земли вырост, из любой расселины достанет! И в тайную комнату, и на кресло!

Игнатий попятился. Про кресло для экзекуций, опускаемое и поднимаемое через отверстие в полу тайной комнаты, соединенной с кабинетом Шешковского, было ему известно доподлинно.

— Ладно, не вешай носа. Грамоте знаешь?

— Чтению обучился. Письму — не сумел.

— Держи лист из дела. Прочитай сколько-нибудь вслух.

Шевельнув рыжими волохатыми бровями и не решаясь откашляться, Игнатий, сипя, прочитал:

— Дело за номером 2630. «Об Иване Тревогине... распу-скавшем про себя в городе Париже нелепые слухи...»

— Париж — городишко французский. Сперва французы слухам тем не верили. А недавно — как взбеленились! Снаряжают отряд. Искать на острове Борнео указанное Ванькой Офирское царство. Чти далее.

— «...по делу Ивана Тревогина, доставленного из Парижа в Санкт-Петербург в сопровождении тайного агента господина Обрескова, а также инспектора французской полиции мосье Ланпре, и определенного в Петропавловскую крепость, прочитав все его гистории и сказки, государыня повелела: «Выпустить секретного арестанта Тревогина...» Тут пропуск!

— Так надо. Чти далее. — Голос Шешковского стал сух невыносимо.

— «...а как в смирительном доме вел себя Тревогин подобающе, то, продержав его там еще с полгода, отдать в Тобольский полк солдатом, под особый надзор».

— Сам я Ваньке про этот указ недавно и рассказал. Обрадовал подлеца. А он — возьми да и выпусти птицу!

— Тут дело ясное. Упекут Ваньку в Тобольск, навряд ли назад вернется. И скворец в Сибири пропадет. Вот Ванька и решил: дескать, сам сгину, так хоть птицу в Москву отправлю.

— Дурак! Ванька сгинет — записки его останутся. Матушка-государыня уничтожить их не велела. Для истории, сказала, сгодятся. А тут еще скворец ученый... Что он про наши времена и про государыню болтать станет, ежели Голосов овраг и расселина взаправду с иными временами соединяются? Так что ноги в руки — и в Москву! Листки эти сжуй и проглоти. Для тебя одного с дела копию сняли. Савве и Акимке про тайный смысл дела — ни словечка!

Степан Иванович бережно опустил себя в кресла.

Запах пачулей из тайной комнаты внезапно резко усилился.

«Снова бабу расспрашивать привезли. Она, дура, запахами играет, думает — поможет. Ух, мне б ее», — Игнатий хищно втянул в себя воздух.

— ...сюда, сюда мне скворца ученого привезите! Да бережно под крылышки его принимайте, клюв ему, разбойники, не повредите! Сам истории про Офир слушать желаю! Сам...

«Ну, пустили савраску без узды», — просипел, откланиваясь, Игнатий.

* * *

На Москве были через четыре дня. Потоптались у Лобного места. Откушали пирогов московских: с кашей и зайчатиной. Не тратя времени зря, двинули возком в сельцо Коломенское.

В церкви Вознесения Господня кончали благовест. Уже свалившийся было под горку день — вдруг вернулся. Глянуло вечернее солнце.

— Троица скоро. Праздник взыскательный, праздник строгий. А мы тут баклуши, не помолясь, бьем. — Кучер Акимка размял ноги, перекрестился, почесал батогом спину.

— Вон он, Голосов овраг, — негромко вымолвил провожатый, — вперед и левой глядите. Только я туды не ходок.

Провожавший питерских Сенька Гуль, до скончания века обязанный Шешковскому сокрытием одного из темных дел своих, мимовольно попятился.

— Дальше — сами. А то, вишь? Зеленцой туман берет-ся. Как бы худого не вышло. Ходят слухи — пропадают здесь. — Сенька жадно, по-звериному слотнул слюну.

— Ладно, ступай себе с Богом. Слухи эти нам ведомы. Лошадей и возок постереги. Мы на птицу силки поставим, подождем до ночи — и назад. А не попадет в силки... — Игнатий один за другим выдернул из-за пояса пару дуствольных пистолетов... — Савва у нас птицу на лету спибает. Так, закадыка? — подмигнул гололобому Савве Игнатий.

— А до утра не потерпит? — Костистый, обритый на турецкий манер, с усами обвислыми, Савва нехотя принял пистолеты.

— Услыхал я сейчас звоночки нежные. И покрикиванья из оврага доносятся. Слова в тех покрикиваньях вроде че-